

Слово Шукшина

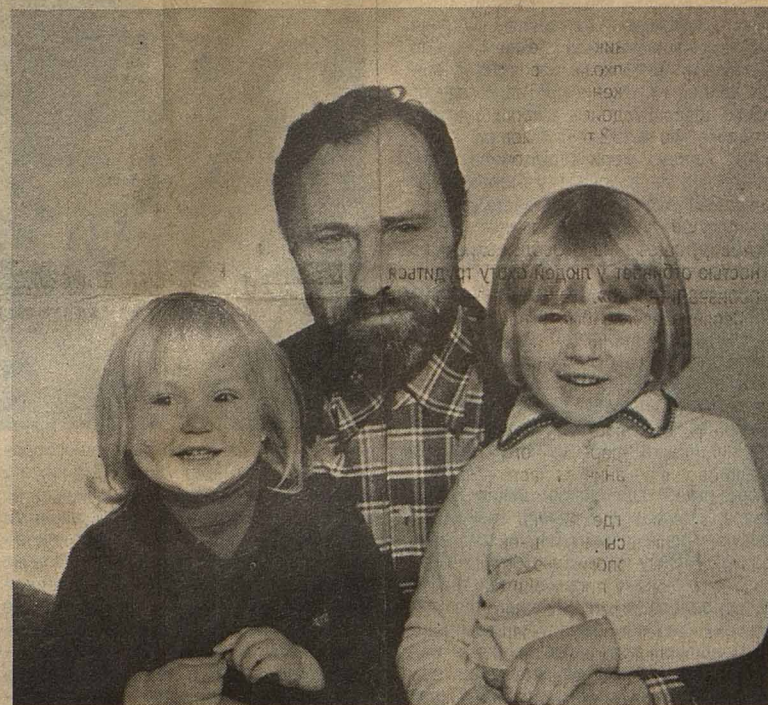
Неопубликованные страницы писателя

Случилось это чуть больше лет двадцати назад. Еще с вечера договорился я с Василием Шукшиным о встрече, а утром поехал к нему, куда-то за ВДНХ, чуть ли не на московскую окраину. Стандартный дом, без лифта, с тесными квартирками, убогими кухнями-клетушками. Открыла мне Лида, его жена. Говорит: мол, и не знаю, что делать. Вася всю ночь писал, только-только пришел, будить жалко. А сон у него чуткий. Я еще ответить не успел, как услышал голос Василия Макаровича: кто там пришел? Лида назвала. Он уж тут как тут, замаячил за Лидиной спиной: впускай, говорит, верно, договаривались! Человек он был обязательный.

Разместились мы с ним, значит, на кухне, лишней раз не повернешься. Маленький столик, плита, на которой стоял кофейник с бурными подтеками, рядом — крутящаяся пепельница, забитая за ночь окурками. Радиатор отопления врезался ему в бок. «Вот здесь и пишу, — хмуро сказал он, стукнув ладошкой по железке. — Неудобно.. А кто сказал, что людям жить удобно?» Долго мы говорили тогда, нещадно курили: Лида уже и девочек, дочек его малых, сводила погулять и вернулась, а мы все толковали с ним. Не одну кассету я тогда записал. А на прощание он дал мне два своих рассказа, только что написанных. Один — «Мечты» — набело переписанный, а другой — «Мастер» — уже перепечатанный, с авторской правкой. Для газеты «Известия». «Впрочем, вряд ли их напечатают у тебя», — сказал. Его тогда газеты вниманием не баловали. Так, увы, и получилось. Интервью с ним дали, а вот рассказы долго лежали, дожидались своего часа, да так и остались в моем архиве. Теперь вот, кажется, слава Богу, дождалась..

Юрий Черепанов.

На снимке: В. Шукшин с детьми. Фото В. Кузина.

Василий Шукшин Мечты

(Рассказ)

Как-то зашел в гостиничный ресторан — подкрепиться. Сел. Жду.

Подходит официант... Опрятный, курносый, с лицом, которые забываются тут же. Впрочем, у этого в глазах было некое презрение, когда он слушал. Он смотрел и чуть кивал головой. И в глазах его, крупных, покорных, я обнаружил презрение. Это-то и остановило мое внимание на его скучном лице... И я без труда узнал человека.

Двадцать лет назад мы с ним работали на одной стройке, жилив общежитии в одной комнате. Было нам тогда по 16 лет, мы приехали из деревни, а так как город нас крепко припутнул, придавил, то и стали мы вроде друзей.

Работали... А потом нас тянуло куда-нибудь, где потише. На кладбище. Это странно, что мы туда наладлись, но так. Мы там мечтали. Я не помню, о чем я тогда мечтал — врал что-нибудь. Я с ранних лет был скрытным. Теперь вот, когда всерьез захотел вспомнить о чем же я все-таки мечтал, то не мог. Забыл. Помню, что смотрел тогда фильм «Молодая гвардия», и мне очень понравился Олег Кошевой, и очень хотелось тоже с кем-нибудь тайно бороться. До того доходило, что иду, бывало, по улице и так с головой влезв в эту «тайную борьбу», что мне, правда, казалось, что за мной следят, и я оглядывался на перекрестках. И даже делал это мастерски — никто не замечал. Но вряд ли я рассказывал про такую мечту. Да и не мечта это была, а игра, что ли, какая-то. Как про это расскажешь?

А он рассказывал. Он мечтал быть

официантом. Я хорошо помню, как он азартно напирал и шлепал губами про то, как официанты хорошо живут, богато. Он был тогда губошлеп, а потом, как стал, видно, официантом, то губы подобрал, сдержанный стал, вежливый. Только что же это за презрение у него в круглых глазах? Никакого презрения тогда не намечалось, наоборот, дурак дураком был, просто-душный и до смешного доверчивый. Даже я учил его, чтоб он не был такой доверчивый.

Меня не удивляло, что он хочет быть официантом. Я, наверное, думал: «Ну и будь!» Не отговаривал. Я даже, наверное, гордился потихоньку, что сам я не хочу быть официантом, даже когда мы голодали перед получкой. Но это теперь легко сказать, что — гордился, а гордился ли, не помню. Может, и не гордился. Однако хорошо помню, что он хотел быть официантом. Я только то и помню: кладбище калужское, и что он хотел быть официантом.

Кладбище было старое, купеческое. На нем, наверное, уже не хоронили. Во всяком случае, ни разу мы не наткнулись на похороны. Каких-то старушек видели — сидели на скамеечках. Тишина... Сказать, чтоб мысли какие-нибудь грустные в голову лезли, — нет. Или — думалось, что вот жили люди... Нет. Самому жить хотелось, действовать, может, в офицеры выйти. Но в офицеры — это несколько позже (не вышел я в офицеры). Но и тогда поскуливала душа, тосковала: работу свою на стройке я не любил. Мы были с ним разнорабочими, гоняли нас туда-сюда, обижали часто. Особенно почему-то возбуждало всех, что мы — только что из деревни. Хотя, как я теперь догадываюсь, сами они, многие, — в недалеком прошлом тоже пришли из деревни. Но они никак этого не показывали, а все время шпыняли нас: «Что, мать-перемать, неохота в колхозе работать?»

Помню еще надгробия каменные, тесаные, тяжелые. Я думал тогда: как же тащить было сюда такую тяжесть?

На подводах, что ли? Надписи — все больше купцы лежали. Сколько же купцов было на Руси! Или это кладбище только купеческое? Вроде так не бывает. Тишина была на кладбище. Отторговали купцы, отшумели... Лежат. Долго-долго будут лежать, пока не раскурчат кладбище под какой-нибудь завод. У нас в деревне забросили старое, стали хоронить на новом месте, на горе. Такая жалость!

Да, так вот — официант. Странно, что я никак не встревожился, не заволновался, что встретил его, не захотел поговорить. Не знаю — не захотел. Может, потому, что был я хорошо с похмелья, а он возьмет да подумает, что у меня совсем уж плохи дела. Еще пожалеет. А разубедить — совестно. Словом, не стал объявляться. А возьму да я пожалею. Зачем? Я стал наблюдать за ним. И получил какое-то жестокое удовольствие. Он совсем изменился, этот человек. Не будь у меня такая цепкая память на лица, никогда бы мне не узнать его. Я сказал, что обнаружил у него в глазах презрение. Никакого презрения! Тут же подошел к соседнему столу и таким изящным полупоклоном изогнулся, да так весело, хитро, добро улыбнулся, что куда тебе! Помурлыкал что-то насчет закуски, посоветовал, покивал причесанным на пробор шарбанчиком, взмахнул салфеткой и отбыл в сторону кухни. Э-э, он-таки научился! Презрение — это ко мне, потому что я с похмелья и один. И одет — так себе. И лицо солдатское. А так бы он и мне с достоинством поклонился. Ах, славно он кланяется! Именно — с достоинством, неугодушно, нет, — красиво, спокойно, четко, ни на сантиметр выше, ни на сантиметр ниже, а как раз, чтоб подумать: «Надо потом прикинуть к счету рубль-другой». Поклонись он мне так, я бы так и подумал. А вот бережет же свой поклон, не всем подряд кланяется. Опыт. Конечно, иногда, наверное, ошибается, но, в общем, метит точно. Там, например, где поклонился, сидели

совсем молодые ребята с девушками, ребятки изображали бывалых людей, выдавали дома прыщи, курили заграничные сигареты. Тут-то он им — поклончик, поводит белым умытым пальцем по меню — совет, что лучше заказать, покивал головкой — коньяк, шампанское... Легкое движение — перебрал салфетки с одной руки на другую — заключительный поклончик, исчезновение. Славно. И ведь хитрец: все с понимающим видом, с видом, что вот — интеллектуалы «завелись». Как там у Хэмингуэя (у Хэма)? — «В конце концов мы поехали на Мон-мартр». Шельма! Он же прекрасно знает, что для того, чтоб сюда войти с улицы, надо отстоять в очереди, где вся беспечность улечится. Но молодые играли, он умело подхватил игру. Он знает, что деньги у них — папины или мамины, или кто-то из них приделал ноги четырехтолку Даля в библиотеке деда... Но он все принимает за чистую монету: вошли джентльмены, все будет о'кей. Прежде всего он понимает, что ребятки форсят перед девушками, при расчете не станут пересчитывать, а еще и трояк подкинут.

Но вот уж он инок от кухни... Ширк-ширк, ширк-ширк — обогнул — обогнул столик, другой, на левой руке поднос, как щит, на подносе — солнце и радость. Сказать ему, что ли, про калужское кладбище? Помнишь, мол, как там тихо-тихо было?.. Нет, пожалеет он меня, наверняка, пожалеет в душе.

— У вас что было?
— Котлета.
— Котлета... Пожалуйста.
— По-калужски?
— Что?
— Котлета-то по-калужски?
— Почему по-калужски? Нормальная котлета.
— Я думал, по-калужски.
— Где вы видите по-калужски?
— Да нигде я не вижу... Я вот смотрю на нее, думал, что она — по-калужски.
— Нет у нас никаких по-калужски.

— Ну, нет — и не надо. Я же не прошу. Я говорю: я думаю, что она по-калужски. Что сразу тон повышать?

— Будете кушать?
— А как же!
— Водка... А что собой представляет по-калужски?

— Такие... на гробики похожи. Купеческие котлеты.

Он подозрительно глянул на меня, на графинчик с водкой, что мне поставил, — испугался: не развезет ли меня вконец, или я еще оглошу эту, в графинчике. Их за это ругают, я слышал. Я интеллигентно кашлянул в ладонь, сказал, как можно приветливее:

— Спасибо.
— Пожалуйста.

Официант отбыл к соседнему столу.

Нет, не буду я ему ничего говорить про Калугу. А три рубля лишних дам. Как можно небрежнее дам, и никакого презрения — дам, и все, как будто я каждый раз вот так по трояку отваливаю — такой я странный, щедрый человек, хоть с солдатским лицом и неважно одет. Меня прямо нетерпение охватило — скорей дать ему три рубля. Посмотреть: какое у него сделается лицо.

...Я поел, выпил. Он мне изящным движением — сверху вниз — опустил счет. Я заплотил по счету, встал и пошел вон. Трояк не дал. Ни копейки не дал. Не знаю, что-то вдруг разозлился и не дал. А чтоб самому про себя не думать, что я жадный, я отдал эти три рубля гардеробщику. Я не раздевался, так как вошел в ресторан из гостиницы (не с улицы), а подошел и просто дал. Он меня спросил:

— Побрызгать?
— Не надо, — сказал я. — Брызгать еще...

«Вот так вот, — думал я сердито про официанта, — гроша ломаного не дам. И так проживешь. Вон какой ловкий!.. Научился».